

18. *Rodgers A.* The assessment of variables related to the parenting behavior of mothers with young children // *Children and Youth Services Rev.* 1993. Vol. 15. P. 385—402.
19. *Straus M. A.* Discipline and deviance : physical punishment of children and violence and other crime in adulthood // *Social Problems.* 1991. Vol. 38. P. 133—154.
20. *Teti D., Candelaria M. A.* Parenting competence // *Handbook of Parenting. Vol. 4 : Social Conditions and Applied Parenting / ed. by M. H. Bornstein.* Mahwah (NJ) : Lawrence Erlbaum Associates, 2002. P. 149—180.
21. *The Discipline and Guidance of Children : a Summary of Research / A. B. Smith, M. Gollop, N. J. Taylor, K. Marshall.* Wellington (NZ) : Children's Issues Centre and Office of the Children's Commissioner, 2004. 44 p.
22. Unemployment and work interruptions among African-American single mothers : effects on parenting and adolescent socioemotional functioning / V. C. McLoyd, T. E. Jayaratne, R. Ceballo, J. Borquez // *Child Development.* 1994. Vol. 65. P. 562—589.
23. *Vondra J., Belsky J.* Developmental origins of parenting : personality and relationship factors // *Parenting : an Ecological Perspective / ed. by T. Luster, L. Ogakaki.* Hillsdale (NJ) : Lawrence Erlbaum Associates, 1993. P. 1—33.

ББК 60.561.28

Ю. С. Задворнова

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОМАШНЕГО ТРУДА В РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ: ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В последнее десятилетие в отечественной социологической науке институт семьи, формы организации семейных отношений, а также способы распределения внутрисемейных ролей рассматриваются в контексте происходящих в обществе трансформационных процессов.

Исследователи выделяют две противоположные тенденции трансформации российской семьи: это актуализация традиционных механизмов самосохранения и воспроизводство патриархальных норм как адаптивная реакция со стороны семьи, с одной стороны, и продвижение ценностей индивидуального успеха, пересмотр ранее существовавших норм в сторону эгалитарности — с другой.

Среди наиболее заметных тенденций, о которых свидетельствуют данные современных социологических исследований в сфере семейных отношений, — смена типа лидерства.

Так, по материалам исследования, проведенного в 2000 г., применительно к супругам продолжают доминировать патриархальные нормы в вопросах распределения главенства в семье (50 % супругов назвали себя в качестве главы семьи, 20 % респондентов считали главой семьи супруга или одного из родителей и только каждый десятый из опрошенных затруднялся обозначить главу семьи) [2, с. 53]. В то же время результаты исследования 2003 г. показали, что

равноправные отношения в вопросах распределения главенства присущи 44 % опрошенных супружеских пар и только 8 % респондентов считают, что в их семье главенство принадлежит одному из супругов [4, с. 98]. По данным исследования «Семья. Демография. Социальное здоровье населения», проведенного РГСУ в 2006 г., абсолютное большинство семейных пар продемонстрировали отказ от патриархальной субординации в вопросах распределения главенства.

Изменилось и само содержание понятия «кормилец семьи»: женщина наравне с мужчиной участвует в финансовом обеспечении семьи; не считается отклонением от нормы, если доход жены превышает заработок мужа; лидерство в распределении семейного бюджета зачастую принадлежит женщине.

Одновременно распределение домашней нагрузки остается наиболее консервативной областью семейных отношений. Несмотря на профессиональную занятость женщин, материальный вклад в семейный бюджет, женщины по-прежнему уделяют гораздо больше времени домашним делам, чем мужчины. Это подтверждают данные исследования, проведенного в 2010 г. в г. Саратове: большинство видов домашней работы закреплено за женщиной (90,3 % женщин и 36,1 % мужчин занимаются приготовлением пищи, 87,8 % женщин и 37,9 % мужчин — уборкой жилья, 83,2 % женщин и 14 % мужчин — глаженьем, 83,6 % женщин и 12,7 % мужчин — стиркой, 81,9 % женщин и 44 % мужчин — мытьем посуды); обязанностями мужчин являются вынос мусора (82,2 %), ремонт жилья (82 %), работа на приусадебном участке (40,2 %) [5, с. 120].

В 2011 г. подобное исследование проведено в г. Владимире. Результаты подтвердили, что способы распределения домашнего труда в семье имеют ярко выраженную гендерную специализацию: «... женщины занимаются в основном самыми трудоемкими делами (уборкой, приготовлением пищи, мытьем посуды, стиркой белья); мужчины больше занимаются мелким ремонтом и уходом за автомобилем» [3, с. 94].

Таким образом, неравномерное распределение домашней нагрузки между супругами выступает одним из наиболее ярких проявлений доминирования стереотипных способов дифференциации семейных ролей.

В отечественной социологической науке гендерные стереотипы определяются как обобщенные, социально сконструированные, имеющие эмоционально-оценочный характер образы маскулинности и феминности [9, с. 3].

В соответствии с гендерными стереотипами о дифференциации семейных ролей домашняя работа воспринимается как неотъемлемая часть женской идентичности и расценивается как менее значимая, чем профессиональная занятость в публичной сфере. Гендерные стереотипы в разделении труда отводят мужчине доминирующую роль в политической и экономической сферах, профессиональной деятельности, а в качестве основной гендерной роли для женщины утверждают работу в семье [8, с. 106]. Предписывается, что мужчина не должен участвовать в повседневных домашних делах, поскольку «мужские» обязанности выходят за рамки приватной сферы. Мужчина, который активно включается в домашние дела, воспринимается обществом как отклонение от нормы [7, с. 104].

Чтобы ответить на вопрос, в какой степени гендерные стереотипы влияют на особенности распределения домашней работы между супругами и диффе-

ренциацию семейных ролей, целесообразно обозначить теоретические подходы к анализу разделения домашней работы.

В социологии домашний труд понимается как вид социальной активности внутри семьи, не приносящий денежного дохода, получаемый через рыночные механизмы и играющий большую роль в поддержании и развитии членов семьи. Ряд исследователей считают, что наиболее очевидными проявлениями дифференциации семейных ролей в приватной сфере выступают объем и способы распределения домашнего труда между супругами [1, с. 109].

Согласно экономическому подходу, или концепции соотношения ресурсов, домашний труд выполняется одним из супругов в обмен на экономическую поддержку другого. В качестве ресурсов рассматриваются такие факторы, как образование, уровень заработной платы, профессиональный статус супругов и др. Чем большим объемом ресурсов обладает супруг, тем меньше времени он затрачивает на домашнюю работу. Представители экономического подхода основываются на том, что домашняя работа представляет собой низкостатусный вид деятельности, результаты которого не выходят за пределы бытовой сферы и не получают общественной оценки. Предполагается, что и мужчины, и женщины негативно относятся к домашней работе и в равной степени заинтересованы в сокращении своей доли в домашнем труде. Избежать участия в домашней работе позволяют ресурсные преимущества, которыми обладает один из супругов. Эти преимущества получают оценку за пределами приватной сферы, на рынке труда. Поскольку мужчины обычно имеют более сильные позиции на рынке труда, они одновременно обладают и определенной властью в рамках домохозяйства, которая выражается в том, что мужчины имеют возможность не заниматься домашним трудом [1, с. 110].

Существующая в рамках экономического подхода концепция экономической зависимости рассматривает распределение домашней нагрузки между супругами как рациональный экономический обмен и ресурсную взаимозависимость: «высокоресурсный субъект» (кормилец семьи), как правило мужчина, выполняет меньшую часть домашней работы или полностью освобожден от нее, т. к. вносит большой финансовый вклад в семейный бюджет; партнер, который вносит меньший вклад в семейный бюджет, как правило женщина, компенсирует свой низкий заработок или его отсутствие большим объемом выполняемого домашнего труда. Таким образом, согласно данному подходу, большая часть домашней работы закреплена за женщиной, поскольку большинство жен зарабатывают меньше, чем их мужья, и зависят от них экономически [11].

К рационалистическим подходам относится концепция временных ограничений, в соответствии с которой домашний труд должен распределяться рациональным образом в зависимости от наличия у супругов времени для его выполнения. Время, которым мужчины и женщины располагают для выполнения домашних дел, связано с уровнем трудовой нагрузки супругов на рынке труда и составом домохозяйства, т. е. статус занятости определяет различия в затратах времени на домашний труд. Закрепление бытовой сферы за женщинами объясняется их меньшей загруженностью на работе [10].

Существуют также гендерные концепции разделения домашнего труда, возникшие как реакция на рационалистические парадигмы. Так, концепция

«гендерного дисплея» рассматривает способы разделения оплачиваемого и домашнего труда между супругами как поведенческое проявление женской гендерной идентичности (экономическая зависимость и выполнение домашней работы) и мужской (экономическая самостоятельность и отстраненность от домашней работы). Домашняя работа и забота о детях выступают частью женской гендерной идентичности, тогда как материальное обеспечение семьи — важнейшая составляющая идентичности мужчин. Согласно теории «гендерного дисплея», неравномерное распределение домашнего труда между супругами определяется их гендером, а не экономическими факторами [12].

Для того чтобы выявить тенденции трансформации распределения ролей в современной российской семье, в 2012 г. среди семей Ивановской области проведено социологическое исследование, одна из задач которого — установление особенностей дифференциации семейных ролей в сфере распределения домашнего труда.

Было опрошено 1200 мужчин и женщин, состоящих в браке, проживающих в областном центре, среднем и малом городах с численностью жителей соответственно 408 тыс., 88 тыс., 27 тыс. человек. 30 супругов приняли участие в интервью. Социальный портрет семей, участвующих в исследовании, — это супруги, состоящие в зарегистрированном браке более десяти лет, имеющие, как правило, одного ребенка, получающие доход на одного члена семьи в размере 10—15 тыс. рублей в месяц, работающие по найму полный рабочий день в качестве рядовых сотрудников.

Результаты исследования показали, что, по мнению большинства супругов, при распределении семейных обязанностей они придерживаются эгалитарных установок. Большая часть респондентов утверждают, что делят семейные обязанности поровну: 65 % супругов совместно участвуют в материальном обеспечении семьи, 67 % — вместе занимаются распределением семейного бюджета, 59 % — совместно выполняют работу по дому, 63 % — вместе занимаются воспитанием детей.

При этом в понятие «семейные обязанности» мужчины и женщины вкладывают разный смысл, а именно: женщины считают домашней работой ведение домашнего хозяйства, а мужчины — обязанность материального обеспечения семьи. В результате уход за домом является обязанностью 39 % женщин и только 2 % мужчин, обязанность воспитания детей лежит на 36 % женщин и только на 1 % мужчин.

Большинство мужчин — 36 % — занимаются домашними делами только по выходным, 25 % мужчин ответили, что вообще не занимаются домашним трудом. Загружены домашней работой ежедневно 42 % женщин.

Исследование подтвердило, что сферы домашнего труда в семье разделены по гендерному признаку: даже когда супруги делят домашние обязанности между собой, женщина выполняет две трети ежедневной домашней работы. Так, приготовление пищи считают своей обязанностью 70 % женщин, уборку дома — 65 %, стирку — 88 %, мытье посуды — 89 %. Мужчины занимаются работой, необходимость в которой возникает периодически. По мнению 79 % мужчин, их обязанность — мелкий ремонт по дому, 70 % считают обязанностью ремонтно-строительные работы, 76 % мужчин выносят мусор. Родствен-

ники и наемные работники, как правило, привлекаются для ремонтно-строительных работ, ухода за другими членами семьи, выноса мусора и стирки.

Таким образом, можно сделать вывод, что в большинстве российских семей обязанность по уходу за домом возложена на женщину, что соответствует стереотипному представлению о мужских и женских ролях в семье.

Выявлено, что мужчина воспринимает свое участие в домашней работе как помощь жене, в то же время женщина рассматривает работу по дому как необходимость. При этом участие мужа в домашнем труде слабо зависит от объема занятости жены на работе. Создается иллюзия эгалитарных отношений: в целом, по мнению респондентов, домашние обязанности делятся поровну, в ходе конкретного анализа выясняется, что большая их часть лежит на женщине. Результаты анкетирования подтвердили ответы респондентов, полученные в ходе интервью.

Мужчина (35 л., наемный работник в частном секторе экономики, состоит в зарегистрированном браке): *У нас в семье быт налажен: пока жена готовит ужин, я на заправку съезжу, могу продуктов к ужину купить, детей из школы иногда забираю. Если она с детьми уроки делает, могу ей помочь посуду помыть.*

Женщина (34 г., работник бюджетной сферы, состоит в зарегистрированном браке): *Мне постоянно приходится просить мужа что-то сделать, а когда он начинает мне помогать, то так и хочется сказать: уж лучше сиди или сходи куда-нибудь, только не мешай... Он абсолютно неприспособлен к домашнему быту. Я уж лучше все сама сделаю, но зато так, как мне надо.*

В ряде семей, где муж и жена большую часть времени проводят на работе, для выполнения домашнего труда супруги прибегают к помощи родственников или наемных работников.

Мужчина (35 л., предприниматель, состоит в зарегистрированном браке): *Мы с женой все время на работе. Нам моя мама по дому помогает, она недалеко живет, приходит приготовить на вечер, мы продукты только покупаем или ей деньги оставляем, за детьми тоже она присматривает.*

Женщина (32 г., предприниматель, состоит в фактическом браке): *У меня клининговая фирма, поэтому, естественно, убираются дома наемные работники из фирмы. Поскольку дома бываем редко, холодильник обычно пустой, питаемся в основном в кафе. В выходные могу что-нибудь вкусное приготовить, мужа побаловать.*

В ходе интервью выяснилось, что в некоторых случаях супруги стараются делить домашние обязанности поровну, тогда распределение ролей в бытовой сфере становится предметом внутрисемейного договора. Обычно инициатива в равноправном распределении ролей исходит от женщины, а мужчине приходится приспосабливаться, чтобы избежать конфликта.

Мужчина (25 л., работает в частном секторе экономики, состоит в фактическом браке): *Мы заранее договорились, кто и что будет делать, исходя из того, кто что лучше умеет. Я, например, готовить все не умею, могу иногда что-то, что получается, зато я посуду чаще мою. Убираемся дома вместе или по очереди. А так, вообще, кто что успеет, тот и делает.*

Женщина (29 л., работник бюджетной сферы, состоит в зарегистрированном браке): *У нас иногда прямо до счета доходит: кто и что на неделе сделал.*

Например, если я два дня подряд посуду мыла, а муж на работе был, то пусть теперь два дня он моет. Мы из-за этого постоянно ругаемся, он друзьям своим на меня жалуется, маме своей, мол, у всех жены нормальные — всю работу по дому делают, а я считаю, что если я работаю, устаю не меньше его, то почему должна всю работу по дому делать?

Как правило, эгалитарных убеждений придерживаются молодые девушки до 30 лет. Патриархальные убеждения в основном разделяют мужчины. Нередко они являются носителями патриархальных гендерных стереотипов в вопросах распределения бытовых обязанностей.

Мужчина (26 л., служащий в частном секторе экономики, состоит в фактическом браке): *Сейчас женщины вообще ничего делать не хотят, только и слышишь: я тебе это делать не обязана. Вот раньше наши мамы и работали, и домашними делами занимались, и детей воспитывали. Я считаю, у женщины стирка, глажка белья вообще «в крови» должны быть.*

Установлена закономерность: чем выше профессиональный статус женщины, тем меньше времени она затрачивает на домашний труд. Так, 49 % женщин, находящихся на руководящих должностях, занимаются домашней работой раз в неделю и реже, среди рядовых сотрудников 47 % женщин занимаются домашней работой ежедневно.

Кроме того, чем меньше времени женщины заняты профессиональным трудом, тем больше их нагрузка в бытовой сфере. В целом исследование показало, что успешность женщины в публичной сфере и выполнение ею наравне с мужчиной роли кормильца не приводит к перераспределению домашних обязанностей по линии «жена — муж», они распределяются по линии «жена — другие родственники, наемные работники».

Таким образом, социологическое исследование, проведенное в Ивановской области, подтверждает высокую степень воздействия гендерных стереотипов о «мужской» и «женской» работе на характер распределения домашнего труда между супругами. В этой связи нельзя согласиться с точкой зрения Т. С. Лыткиной, которая рассматривает дифференциацию домашнего труда между супругами как способ утверждения доминирования женщины в семье. По ее мнению, женская активность в домашней работе способствует исключению мужчины из бытовой сферы, при этом усиливая позиции женщины в семье: женщина устанавливает семейные нормы, определяющие поведение других членов семьи. «...С момента распределения домашних обязанностей <...> женщина не только заботится о домочадцах, но использует домашний ресурс в своих интересах и становится единственным компетентным лицом в ведении домашнего хозяйства. Мужчины, не имеющие домашнего ресурса, предпочитают не вмешиваться и довериться полностью инициативе женщины, заняв “оборонительную” позицию, а для поддержания мужественности выступать в роли кормильца» [6, с. 87].

Полагаем, что стереотипные способы распределения домашних обязанностей, напротив, выступают одним из наиболее ярких проявлений гендерной дискриминации в современной российской семье. «Двойная занятость» женщины: работа для экономической поддержки и ответственность за большинство домашних обязанностей — не может служить основанием для утвержде-

ния властных полномочий женщины в семье, поскольку домашний труд, имеющий в массовом сознании низкую степень престижа, сознательно отвергается мужчинами. В современных социально-экономических условиях выполнение женщиной нескольких ролей в семье — жены, кормильца, матери, распорядителя бюджета, домохозяйки — не приводит к ее эмансипации, а увеличивает физические и психологические нагрузки на женщину, что противоречит идеологии равноправия полов.

Вместе с тем проблемы распределения домашнего труда между супругами целесообразно рассматривать в контексте тенденций трансформации института семьи.

Первая тенденция — это трансформация на ценностном уровне стереотипных представлений супругов о распределении семейных ролей в эгалитарном направлении. Супруги уже не придерживаются гендерного стереотипа о мужчине-кормильце, главе семьи и женщине-домохозяйке, не отрицают участия мужа в выполнении домашних обязанностей и воспитании детей. Во многих семьях в качестве приоритета выступают ценности самореализации, индивидуальных достижений, оба супруга чаще хотят реализовать себя в профессиональной сфере, работа становится для них не только средством материального обеспечения семьи, но и способом самовыражения, возможностью карьерного роста. Стремление современных мужчин и женщин удовлетворить свои индивидуальные потребности за пределами приватной сферы приводит к смягчению традиционно исполняемых гендерных ролей; нормы, характерные для патриархальной семьи, постепенно стираются. Кроме того, в современном «обществе потребления» семья становится единственным местом, где мужчины и женщины пытаются получить психологическую поддержку, и у жены появляются новые гендерные роли: «психотерапевта», «эмоционального стабилизатора отношений».

Вторая тенденция — техническая модернизация отраслей бытового обслуживания семьи, переход от ограниченного выбора ко множеству вариантов использования специализированных служб и современных технологий для выполнения домашней работы (автоматизированная бытовая техника, доставка продуктов и еды на дом, интернет-покупки, клининговые услуги, использование наемного труда для исполнения домашних обязанностей). Можно предположить, что в ближайшее десятилетие супруги будут тратить значительно меньше времени на домашнюю работу и проблема разделения домашних обязанностей утратит актуальность.

Третья тенденция — расширение сферы услуг в общем и дополнительном образовании детей. Для снижения нагрузки в выполнении обязанностей по образованию и развитию способностей детей у современной семьи появилась возможность нанять няню, репетитора, воспользоваться предложениями негосударственных учреждений и дистанционного образования.

Четвертая тенденция — становление активной российской государственной семейной политики, направленной не только на решение демографической проблемы и материальную поддержку семьи, но и на развитие системы общественного воспитания детей, ликвидацию очередей в дошкольные учреждения, поддержку негосударственного сектора оказания социальных услуг семье, во-

влечение в профессиональную деятельность женщин, имеющих несовершеннолетних детей.

В совокупности с формированием эгалитарных ценностных ориентаций супругов обозначенные тенденции могут привести к более симметричному распределению домашних обязанностей, сокращению времени на их выполнение и, как следствие, к утверждению гендерного равноправия в семье. Очевидно, что они могут быть реализованы при объединении усилий государства, общества и семьи как важнейшего актора формирования в массовом сознании эгалитарной гендерной культуры.

Библиографический список

1. Балабанова Е. С. Домашний труд как символ гендера и власти // Социол. исслед. 2005. № 12. С. 109—120.
2. Давыдова Н. М. Глава семьи: распределение ролей и способ выживания // Обществ. науки и современность. 2000. № 4. С. 51—57.
3. Евстифеева Г. Г. Гендерная структура домашнего труда в городской семье // Регионология. 2013. № 1. С. 93—96.
4. Карцева Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социол. исслед. 2003. № 7. С. 92—100.
5. Климова С. В. Домашний труд в городской семье // Социол. исслед. 2012. № 4. С. 118—121.
6. Лыткина Т. С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социол. исслед. 2004. № 9. С. 85—90.
7. Мережко В. И. Этого терпеть больше нельзя // Женский вопрос: точки зрения и подходы к новому осмыслению. М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1991. С. 103—105.
8. Римашевская Н. М. Гендерные стереотипы и логика социальных отношений // Свободная мысль. 2006. № 3. С. 100—110.
9. Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3/4. С. 3—12.
10. Shelton B. A. Women, Men, and Time: Gender Difference in Paid Work : Housework and Leisure. New York : Greenwood Press, 1992. 182 p.
11. Walby S. Gender, class and stratification: toward a new approach // Gender and Stratification / ed. by R. Cromton, M. Mann. Cambridge : Polity Press, 1986. P. 23—39.
12. West C., Zimmerman D. Doing gender // Gender and Society. 1987. Vol. 1. P. 125—151.